

В.М.ЧЕРНОВ О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ФАШИЗМА¹

Процесс осмысления феномена фашизма широко развернулся уже после окончания Второй мировой войны, когда историкам стали доступны уникальные исторические источники, представленные, в том числе, в материалах Нюрнбергского процесса, но методологический фундамент для исследования этого явления был заложен еще в 1920-1930-е гг.

В ряду первых исследователей, кто поставил перед наукой и мировой общественностью проблему изучения социально-экономических основ фашизма, выделяется Виктор Михайлович Чернов – теоретик и идеолог партии социалистов-революционеров. После эмиграции в 1920 г. из Советской России Чернов обращается к научной деятельности. В Праге он возглавил социально-политический отдел Института изучения России и занял должность профессора по кафедре социологии и социальной политики в Украинском социологическом институте, где ему была присуждена степень доктора социологических наук.

Интерес Чернова к фашизму определился с приходом к власти в Италии Б.Муссолини. Он чутко уловил тенденцию к перерождению представителей радикально социалистических течений в националистов, особенно ярко проявившуюся в рабочем движении Италии. В 1930-е гг. эта установка становится главным контрпунктом его концепции фашизма, который он рассматривал как одно из проявлений тоталитаризма.

Рассуждая о причинах глобальных перемен, приведших мир к кризису либеральной демократии и возникновению тоталитарных режимов, Чернов приходит к выводу, что их следует искать в Первой мировой войне. В экономике война продемонстрировала возможности военно-мобилизационной модели [7]. В социальном аспекте она ускорила процессы маргинализации общества, в политической сфере привела к ограничению роли представительных учреждений и усилению контроля государства над обществом. Война породила в общественном сознании населения воевавших стран своеобразный феномен военного психоза, который проявился в фетишизации насилия, стремлении мечом «рассекать с чисто военной быстротой все сложнейшие проблемы внутренней и внешней, национальной и мировой жизни» [4, л.190].

Особенно кризис демократических институтов остро проявился в побежденных странах - Германии, Австрии, Венгрии и России. Италия хотя и оказалась в лагере победителей, но, как считал Чернов, была «жестко разочарованной в своих надеждах, чувствовала себя обделенной и обманутой союзниками и потому тяготела к лагерю «побежденных», требующих ревизии мирных договоров» [1, л.33; 5].

В Германии, по мнению Чернова, сложившаяся после войны политическая и экономическая ситуация была весьма нестабильна. Пришедшая к власти немецкая социал-демократия не имела прочной социальной базы в стране. На первых всеобщих выборах, положивших начало новой Веймарской республике, она не получила большинства голосов. Оказавшись у власти, они не смогли переломить ситуацию в лучшую для себя сторону. Отказ от социальных реформ приводил к углублению разрыва между немецкими социалистами и народными низами и все более заставлял первых держаться за коалицию с буржуазией «во что бы то ни стало». В конце концов расширение коалиции немецких социал-демократов с буржуазными партиями привело к такой ситуации, когда присутствие социал-демократии в правительстве оказалось вовсе необязательным, а ее представителям пришлось голосовать за Гинденбурга, который впоследствии передал бразды правления Гитлеру [3, л.90, 91; 9, с.3].

В оценке социальной сущности фашизма позиция Чернова сближалась с точкой зрения марксистских авторов (К.Цеткин, П.Тольятти, Г.Димитров), рассматривавших фашизм как проявление капиталистической реакции на развитие рабочего движения. Он также полагал, что возникновение фашизма связано со стремлением национальной буржуазии использовать диктатуру как рычаг для выхода из экономического и политического кризиса буржуазного общества, порожденного Первой мировой войной. Вместе с тем он обращал внимание на такой аспект проблемы, который деятели левого социалистического движения, как правило, игнорировали. Он отмечал, что одна материальная помощь буржуазии не могла бы превратить фашизм в большую силу. Силу фашизму придавала массовая поддержка. Националистические лозунги возрождения великой Италии, а потом и Германии привлекли к фашизму широкие народные массы.

Объясняя, почему демагогия фашистов имела такой массовый успех, Чернов связывает это с болезненными процессами в германском обществе, вызванными катастрофическими последствиями Версальской системы. Победившие страны Антанты так перекроили государственные границы, что это привело к нарушению экономического равновесия в Европе и, как следствие, к мировому экономическому кризису 1929-1930 гг., который больше всего ударил по побежденным странам. Это, в свою очередь, привело к хронической безработице и резкому падению уровня жизни в этих странах [2, л. 18, 19, 20]. Маргинализация общества создавала благоприятную почву для распространения фашистской идеологии, главной чертой которой Чернов считал расизм, принявший крайние формы в немецком шовинизме [6].

* © О.В. Коновалова, 2006.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Программы Фулбрайт (США) и Красноярского краевого фонда науки, грант 11F046C. В данной работе мы рассматриваем термин «фашизм», как общее видовое понятие, позволяющее говорить о таких его разновидностях, как итальянский и германский фашизм.

Вопрос о социальной основе фашизма для Чернова был неразрывно связан с проблемой его экономической политики. Фашизму, как считал Чернов, удалось организовать экономическое хозяйство Германии на принципиально новых началах. Капитализм монополистического типа с развитой системой мощных трестов и господством финансового капитала был трансформирован в «единый трест трестов и синдикат синдикатов» под контролем государства. Государство взяло на себя функции экономического суверена-хозяина. Оно «последовательно подчиняло себе всех прежних «приватных хозяев», ограничивая их хозяйственный суверенитет, инкорпорируя их в свой аппарат управления» [6].

Начав с демагогических лозунгов ликвидации «процентного рабства» посредством национализации банковской системы, который был привлекателен для социальных низов, Гитлер вскоре «перевел стрелки» на борьбу с еврейским капиталом. Экономическая подоплека антиеврейской кампании сводилась к тому, чтобы «вытолкнуть евреев из Германии, создать этим свободные места для истинно тевтонских немцев, заставить евреев им же сбыть за четверть цены имущество, не дать им вывести с собою даже часть этой выручки, наложить на евреев контрибуцию». Эти меры позволили Гитлеру перевести поток «социально-погромных страстей» от национальной буржуазии «на буржуазию еврейскую, таким образом, удалось трансформировать социальное недовольство в национальное» [8].

Однако приостановить инфляцию и безработицу с помощью разжигания националистической вражды не удалось. Фашизму пришлось вырабатывать новую экономическую программу. Она предусматривала, во-первых, обособление страны «от слишком сильной зависимости от внешнего мира твердой раковиной автаркии». Во-вторых, интенсивное развитие тяжелой промышленности, позволяющее компенсировать узость внутреннего рынка, низкий покупательный спрос населения переводом капиталов в «производство средств производства». В-третьих, милитаризацию экономики, способствующую увеличению рабочих мест на военных заводах и ликвидации безработицы. И, наконец, централизованное управление экономикой «по единому гигантскому плану» [8].

Власти, как считал Чернов, удалось «превратить хозяев предприятий почти что в государственных приказчиков и к тому же приставить к каждому из них «ангела-хранителя» в лице особого «фюрера» по хозяйственной линии». В результате была создана система, подобная феодально-вассальной иерархии, которая представляла собой «восходящую лестницу «фюреров», увенчанную главным фюрером, «дуче», «вождем», а на нижних ее этажах находились подчиненные им агенты и приказчики [8].

Параллельно с процессом распространения государственного контроля на сферу частных капиталистических интересов ликвидировались независимые профсоюзные, кооперативные организации рабочего класса, которые превращались «в аппараты трудового дисциплинирования рабочей силы» и «руководства потреблением народных масс». Это приводило к грандиозному усилению государственной мощи, формированию системы «тоталитарного хозяйственного этатизма» [8]. Государство в директивном порядке стало определять «генеральный план» развития экономики, указывая размеры необходимых инвестиций в ту или другую отрасль производства, качество технического оборудования, количество и зарплату рабочих, и даже устанавливать калькуляцию цен на товары.

Анализируя экономическую систему в фашистской Германии, Чернов не мог удержаться от параллелей с советской экономикой. Общее он видел в огосударствлении экономики в СССР и Германии, хотя и отмечал, что в Германии эта тенденция была не завершена и институт частной собственности все же сохранялся.

Задаваясь вопросом о природе и сущности фашизма, Чернов приходит к заключению, что это продукт кризиса капиталистической системы, поэтому он несет в себе стремление преодолеть ее рамки, что и проявляется в отказе от либерально-рыночных основ в экономике и политике. В стремлении избавиться от анархии производства фашистское государство ограничивает свободу предпринимательской деятельности, таким образом подрывая «самые основы буржуазно-капиталистической системы». Фашистское государство, получив колоссальные возможности через определения ценовой и эмиссионной политики распоряжаться «всей производственной мощью» страны, руководит и направляет инвестиционные потоки. Непосредственная рентабельность производства при этом становится необязательной. Отсюда – тенденция к «хозяйственному гигантизму», гегемонии тяжелой индустрии, самодовлеющему «производству средств истребления». Благодаря форсированной индустриализации и милитаризации экономики создаются рабочие места, что позволяет существенно снизить уровень безработицы, а значит, непосредственно удовлетворить рабочего человека и как производителя, и как потребителя [6].

Таким образом, предельно организованная экономическая система, созданная фашизмом, по мнению Чернова, приобретает «антикапиталистические» черты. Фашизм становится политической формой для «капитализма, перешагнувшего через самого себя» [7].

Некоторые современники Чернова относили фашизм к разновидности социализма. Это вызывало у него активное неприятие. Он утверждал, что, предложив стране и народу вариант решения насущных вопросов путем создания военно-мобилизационного типа экономики, заимствовав у социализма его внешние атрибуты, фашизм сохранил «все негативные, деструктивные античеловеческие внутренние стороны стяжательно-го капитализма» [6].

Тоталитарная система приходит в непримиримое противоречие с правами человеческой личности. Государство становится вездесущим «властным хозяином», подчиняющим личность. Экономика в таком государстве «имеет тенденцию совершенно оторваться от непосредственных потребностей трудящегося населения» [6]. Человек перестает быть целью для общественного производства и становится лишь средством для осуществления задач воображаемого «завтрашнего дня» в интересах будущих поколений.

По мнению Чернова, проявившаяся после Первой мировой войны тенденция к усилению роли государства в общественной и экономической жизни капиталистических стран свидетельствовала о наступлении эпохи гиперимпериализма или этатизма, которую Чернов рассматривал как новую ступень общественного развития на пути от капитализма к социализму [7]. В фашистских государствах переход к новой стадии принял наиболее агрессивный характер и отличался всеобъемлющим и тотальным влиянием государства на все сферы общественной жизни [6]. Чернов не отрицал того, что экономическая система фашистской Германии обладает определенной устойчивостью и даже может обеспечить мобилизационный эффект в развитии. Однако считал, что этот эффект крайне ограничен, поскольку вся экономика страны подчинена военным нуждам.

Таким образом, приходит к выводу Чернов, фашизм, являясь первоначально игрушкой в руках правящих классов, буржуазии, юнкерства, военных, в результате эмансипации от буржуазных, юнкерских и военных кругов превращается к концу 1930-х гг. в самостоятельную политическую силу. «Из авантюры политических налетчиков он стал глубоко почвенным явлением, более того, явлением эпохальным, с претензиями на всеевропейское, даже мировое значение, и при том претензиями, уже начавшимися осуществляться» [7].

Итак, с одной стороны, Чернов признавал, что утверждение тоталитарных систем было обусловлено объективными причинами, а с другой - считал существование диктатур несовместимым с общей тенденцией развития человечества в направлении демократизации и гуманизации. Это создавало определенные противоречия в его концептуальных построениях. Он отказывался признавать тоталитаризм адекватной формой развития обществ, переживающих существенные трудности на пути модернизации. Чернов считал его своеобразным тупиком в общественном развитии, выход из которого видел на пути преодоления всех видов духовного, политического и т.п. деспотизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.4.
2. ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.5 (Чернов В.М. Исторические параллели).
3. ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.11 (Чернов В.М. Итоги марксизма).
4. ГАРФ, ф.5847, оп.1, д.67.
5. Hoover Institution archives, B.I.Nikolaevsky Collection, box.388, f.24.
6. Hoover Institution archives, B.I.Nikolaevsky Collection, box.391, f.14 (Чернов В.М. Природа тоталитарного этатизма).
7. Hoover Institution archives, B.I.Nikolaevsky Collection, box.391, f.22 (Чернов В.М. Этатизм, оттесняющий социализм).
8. Чернов В.М. Встреча антиподов. Hoover Institution archives, B.I.Nikolaevsky Collection, box.391, f.26.
9. Чернов В.М. В апогее германского кризиса / В.М. Чернов // Пути. - Нью-Йорк, 1933. - №1.